

УДК 811. 161. 1. 282

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ ЭСТОНИИ: ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

*Е. И. Костанди*¹

¹ Тартуский университет
50090, Эстония, Тарту, ул. Юликооли, 18
Поступила в редакцию 14.03.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-7

На базе понятия дискурсивных практик рассматривается речь русской диаспоры Эстонии. Имеющиеся результаты позволяют предположить существование некоторого инвариантного дискурса, порождаемого условным «типичным» представителем диаспоры. Этот дискурс имеет формальную (заимствования, переключение кода и др.), семантическую (референтная отнесенность, семантически переориентированная лексика и др.) и прагматическую специфику. Имеющиеся в настоящее время результаты анализа речи диаспоры позволяют предположить, что ключевыми компонентами типового дискурса диаспоры являются пространственно-временная локализация (пространство: отношения Эстония – Россия – Запад; знаковые места, пространство в прошлом и сейчас (империя, Эстонская республика, СССР); информационное пространство; время: исторические периоды, даты, праздники; время в информационном пространстве и др.), языковая рефлексия (метаязыковые единицы, отражающие сосуществование, знание, освоение языков; языковая самоидентификация и др.), оценка (объекты оценивания; типы оценок), самоидентификация (этническая, конфессиональная, культурная, социально-экономическая).

Такая специфика не только характеризует речь, но и отражает особенности «картины мира» носителя языка в условиях диаспоры, его наивно-языковой концептуализации действительности. В рамках типового дискурса диаспоры вычленяется метаязыковой дискурс, в основе которого лежат дискурсивные практики, обусловленные ситуацией языковых контактов. Частично они были описаны ранее. В статье обобщаются результаты предыдущих исследований автора по данной проблематике и анализируется новый материал.

Ключевые слова: русская диаспора Эстонии, локальные дискурсивные практики, типовой дискурс диаспоры.

1. Введение

Общеизвестно, что вариативность языка обеспечивает его включение в разные условия функционирования, в частности в ситуации диаспоры и сопутствующих коммуникативных и иных факторов, что

на материале русского языка в разных странах активно изучается исследователями. Многие особенности речи русской диаспоры Эстонии постсоветского периода также к настоящему времени выявлены и проанализированы в контексте более общих лингвистических и смежных вопросов (Костанди, Кюльмоя, 2013). Частично описаны как очевидная специфика речи диаспоры, представленная отдельными языковыми единицами и средствами (графическими, лексическими, грамматическими и др.), так и та, которая формируется комплексом средств и затрагивает целые зоны речевой деятельности. Обобщение результатов позволило не только увидеть формальные проявления, отличающие речь диаспоры, но и обратить внимание на более глубинные процессы. Одним из подходов, дающих возможность осмыслить разнородные данные, стал анализ дискурсивных практик, формирующихся в условиях диаспоры и постоянных языковых контактов.

Целью статьи является сопоставление результатов, ранее представленных в публикациях ее автора и других исследователей, и на основе этого, а также новых данных рассмотрение дискурсивных практик, репрезентирующих местную языковую ситуацию двуязычия¹. Соответственно, статья частично посвящена обобщению предшествующих наблюдений, однако в центре внимания будут интересующие нас дискурсивные практики. Предлагаемый анализ является частью более объемного исследования, что требует краткого представления некоторых положений, более детально рассмотренных в ряде предыдущих публикаций.

По закону о языке в Эстонии государственный язык — эстонский, все остальные считаются иностранными, однако некоторые, в частности русский, являются языками национальных меньшинств и используются в разных областях (для русского это СМИ, образование, культура, экономика, политика, повседневное общение, церковь и др.), регулярно русский язык представлен в виде как оригинальных, так и переводных текстов. Роль русского языка в обществе в целом, его распространенность в разных сферах жизни, влияние иных языков и культур, билингвизм многих носителей языка и ряд более частных факторов, разумеется, влияют на разные аспекты языка, в том числе на появление специфических местных дискурсивных практик, а также практик, сопоставимых с имеющимися в странах с аналогичной языковой ситуацией, и, напротив, на отсутствие или трансформацию практик, характерных для стран, где русский является основным языком общения, в первую очередь России.

2. Типовой дискурс диаспоры

Ниже мы будем опираться, с одной стороны, на понятие дискурса и вытекающего из него понятия дискурсивных практик, с другой — на уже представленную нами ранее идею о формировании в условиях

¹ В какой-то мере можно говорить и о наличии большего числа языков. Так, в местных условиях регулярно разные тексты снабжены переводами на ряд языков, часто можно слышать и английскую, финскую, латышскую или иную речь. Однако два наиболее широко представленных языка — эстонский и русский, и нас интересует именно это двуязычие, другие варианты в настоящей статье не рассматриваются.

диаспоры типового дискурса диаспоры, поэтому кратко определим то и другое. Как известно, бесспорного и общепринятого определения дискурса и дискурсивных практик не существует, далее будем исходить из того, что дискурс — это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания... — речь, «погруженная в жизнь» (Арутюнова, 1998, с. 136–137), а «дискурсивные практики — категория, которая обозначает речевую деятельность, осуществляемую в соответствии с требованиями определенного типа дискурса в процессе его производства и воспроизводства» (Серне, 2003, с. 288).

Под типовым дискурсом диаспоры мы понимаем текст в сочетании с экстралингвистическими факторами, который репрезентирует наиболее значимые особенности речи диаспоры. Такой дискурс имеет ряд формальных — иноязычные вкрапления, заимствования, некоторые грамматические, стилистические, жанровые особенности — и содержательных признаков. Поясним последнее. По мере изучения особенностей речи русской диаспоры Эстонии на разном материале становилось все более очевидным, что в каких-то сферах, например при передаче темпоральных или локальных характеристик, при выражении оценки, проявляются особенности «эстонских русских», отражающие и одновременно формирующие их картину мира, точнее говоря, тот ее фрагмент, который связан с жизнью в нашей стране. Множество свидетельствующих об этом фактов позволило говорить о том, что представители диаспоры по-своему представляют некоторые зоны действительности. Анализ материала показал, что к таким зонам следует отнести *пространственно-временную локализацию (хронотоп), социальную сферу, оценку, языковую рефлексию*. Географическая и историческая специфика, языковая ситуация в стране и ее регионах, государственные и общественные институты, культура, образование, реалии экономического, технического и иного характера находят отражение в речи диаспоры, формируя ее специфику, которую можно, на наш взгляд, представить в виде набора ключевых компонентов, или типового дискурса. Эта идея была высказана впервые в (Костанди, 2016а) и далее развивалась, например, в (Костанди, 2016г), где отмечалось, что пространство, время, социальное взаимодействие, оценка, язык / языковая рефлексия относятся к числу категорий, базовых для человека, и неслучайно именно они частично переосмысляются, отражая когнитивный аспект и самоидентификацию диаспоры в целом и ее отдельных представителей. Одним из важнейших компонентов из перечисленных выше является языковая рефлексия, о чем и пойдет речь далее.

3. Метаязыковой дискурс диаспоры

Языковая рефлексия, являясь необходимой составляющей речи, может быть, как известно, скрытой или выраженной в метаязыковых единицах, характеризующих, комментирующих, регулирующих, оце-

нивающих язык, речь и, шире, коммуникацию. Условия жизни носителей языка могут активизировать языковую рефлексию, что происходит, в частности, в ситуации сосуществования языков, делающей языковую тему актуальной. Наблюдения над нашим материалом показали, что в нем широко и разнообразно представлены метаязыковые единицы, свидетельствующие о том, насколько разносторонне носители языка характеризуют, оценивают, комментируют вопросы языка, речи, коммуникации, языковой самоидентификации. В этом материале среди метаязыковых единиц частотны такие, в которых рефлексия обусловлена постоянными языковыми контактами, сосуществованием людей, говорящих на русском и эстонском языках. Обобщение наиболее регулярных тем, затрагиваемых в таких единицах, позволило определить их как составляющие типового «дискурса о языке», являющегося частью более широкого типового дискурса диаспоры, кратко охарактеризованного выше, и смоделировать инвариант, который в (Костанди, 2016б) был представлен следующим образом:

Общая языковая ситуация характеризуется сосуществованием двух (или более) языков. Люди в той или иной степени владеют / не владеют этими языками. В конкретных коммуникативных ситуациях попеременно или одновременно используются разные языки. Существует частичное функциональное распределение языков. Языки взаимодействуют, оказывают влияние друг на друга. Единицы разных языков определенным образом соотносятся. Требуется / возможно пояснение, комментирование слов, выражений, грамматических форм, норм разных языков. Существующее положение дел оценивается.

Коммуникация в условиях двуязычия порождает регулярную специфически местную языковую рефлексию, которая может быть охарактеризована как местная же дискурсивная практика, существующая в ряде вариантов. Одни из них хотя и не полностью, но описаны, другие лишь зафиксированы, а их рассмотрение пока ограничилось общей характеристикой, наконец, какие-то, видимо, еще не попали в поле зрения исследователей, и настоящая статья призвана частично восполнить этот пробел. Анализ материала свидетельствует о том, что языковая рефлексия постоянно пересекается с другими компонентами типового дискурса диаспоры². Рассмотрим далее варианты дискурсивных практик, не просто характерные для ситуации двуязычия, а репрезентирующие, воспроизводящие ее.

4. Дискурсивные практики в двуязычной среде

В течение последних примерно 20–25 лет для изучения языка русской диаспоры Эстонии исследователями привлекались тексты СМИ (газеты, радио, телевидение, Интернет), реклама, тексты прикладного

² Этому посвящена наша статья «Компоненты типового дискурса диаспоры как проявление языковой самоидентификации», которая предположительно выйдет в 2018 году в издательстве Гданьского университета.

характера (надписи на упаковках товаров, инструкции, меню, программы мероприятий, надписи внутри различных учреждений, организаций, фирм), разговорная речь, молодежный сленг, официально-деловые тексты, диалектный и сетевой материал, мемуарная и художественная литература и др. (Костанди, 2015б; Труды по русской и славянской филологии, 2000; 2002; Щаднева, 2011; 2015; Humaniora, 2009 и др.). Обращение к разнообразному материалу позволило выявить общие черты речи русской диаспоры. Самой очевидной их них являются многочисленные *иноязычные вкрапления*, которые рассматривались исследователями начиная с фиксации немногочисленных в первые постсоветские годы, а позже все более частотных вкраплений и заканчивая их анализом с точки зрения общих вопросов номинации, референции, прагматики и т.п. (Костанди, 2011; Кюльмоя, 2000; 2009). В письменных текстах они часто передаются латиницей, в устной речи используются неизмененные или частично русифицированные эстонизмы, например:

Ну / все **hooldajad**³ рождественскую премию получили; Это будет **esmaspäev**⁴; Когда **maailmalõpp**⁵ был / не надо соли / а сегодня приходил // за солью // (разговорн. речь); **Tele2** отказался аннулировать услугу, так как «в данном случае **Tele2** является посредником. Услугу предлагает **Tim Vibra**, они же отвечают за качество» (www.rus.delfi/ee)⁶.

Не менее широко распространены и *заимствования*, в том числе неочевидные — *кальки и полукальки*, которые на письме могут передаваться частично и латиницей: *личный код, материнская зарплата, ID-карта, больничная касса, касса по безработице, целевое учреждение, прямое платежное поручение* и др. В подобных случаях в эстонском языке мы обычно имеем дело со сложным словом, которое в русском чаще всего преобразуется в атрибутивное словосочетание. Как уже отмечалось в указанных выше работах, основной — однако не единственной — причиной появления вкраплений, заимствований является необходимость идентифицирующей референции, когда «местное» наименование более однозначно отсылает к местным же реалиям, то есть условия коммуникации порождают соответствующую им речевую практику.

Иноязычные элементы в речи являются выражением *практики переключения кода*, т. е. перехода в процессе речи на иной язык (эстонский) или вариант языка (язык диаспоры). Переход может ограничиться одним словом или словосочетанием, после чего говорящий возвращается к своему языку, однако может выглядеть и как смешение языков, как в следующем фрагменте разговора за семейным обедом:

³ Эст. *hooldaja* — в данном контексте работник дома престарелых, ухаживающий за пациентами.

⁴ Эст. *esmaspäev* — понедельник.

⁵ Эст. *maailmalõpp* — конец света.

⁶ Примеры устной речь оформлены в соответствии с нормами, принятыми исследователями разговорной речи.

А: И в Тарту / и в Отепяэ / и везде в эти // Здесь показывали еще и Вынну // Тут подряд все школы / там директора уже / куда они / там / деньги / не знаю / девали // Б: *Indrek / sinu jaoks ekstra / Karina tegi*⁷ // В: *Ataaisöö*⁸ // Г: А почему? Д: *Lõpetage ära*⁹.

Поскольку такой материал неоднократно рассматривался ранее, сейчас не будем анализировать его детали, однако для полноты картины — представленности ситуации двуязычия в обусловленных ею дискурсивных практиках — о нем следовало напомнить. Существуют многочисленные частные проявления переключения кода, описанные в исследовательской литературе, в том числе и на эстонско-русском материале (Zabrodskaja, 2009).

Распространение заимствований, являющихся кальками эстонских слов, наиболее активно происходило в начальный период восстановления самостоятельного эстонского государства, когда появлялось множество новых социальных, экономических, бытовых и иных реалий, часто не имевших названий ни в русском, ни в эстонском языках. Обще-ственно-политические организации, государственные институты, социальные структуры и т. п. обычно сначала получали наименования на государственном языке. Русские тексты в этих сферах часто были и остаются переводными, переводами являются, соответственно, и наименования типа *личный код*, *больничная касса* и др. Регулярно они появляются в результате *практики* функционирования *текстов билингва*, т. е. текстов «на двух языках, один из которых представляет собой перевод другого: надписи-переводы на двух языках на древних каменных плитах, словарные статьи двуязычного словаря, параллельные тексты Евангелия на церковнославянском и русском языках, текст инструкции по использованию аппарата, механизма, лекарственного препарата и т. п. на двух языках» (Панькин, Филиппов, 2011, с. 16). В Эстонии производство текстов билингва является регулярной практикой, представленной во множестве вариантов, от полного перевода текста с эстонского на русский и совместного использования оригинала и перевода до разного рода сокращений, наращений, трансформаций в процессе перевода исходного, не всегда однозначно устанавливаемого оригинала и отдельного самостоятельного функционирования каждой части текста билингва (Костанди, 2016в). Анализ их как дискурсивной практики уже был представлен нами ранее, поэтому сейчас приведем лишь один пример, демонстрирующий данный подход. Так, в сравнительно недавно открывшемся в г. Тарту новом Эстонском национальном музее описание экспонатов и иная информация приводятся на эстонском языке на небольших экранах. Посетители музея могут при покупке билета получить электронную карточку, настроенную на переключение текстов описания на английский, русский или латыш-

⁷ Индрек / специально для тебя / экстра / Карина приготовила.

⁸ Эст. *ataaisöö* — А он не есть.

⁹ Эст. *lõpetage ära* — Прекратите.

ский языки. Подборка языков обусловлена положением их в стране, регионе, мире (эстонский — государственный язык, английский — международный, русский — язык диаспоры Эстонии и распространенный в регионе, латышский — язык ближайших соседей). Разные посетители могут воспринимать эти тексты по-разному: как только эстоноязычные или как тексты на двух языках — исходном эстонском и том, на который они переключаются, то есть как тексты билингва. Русские жители нашей страны, знающие эстонский язык, могут тоже вести себя по-разному: кто-то будет читать тексты на эстонском, кто-то на русском, а кто-то частично на эстонском и частично на русском. Таким образом, текст билингва включен в коммуникативное поведение посетителя музея, что и предопределяет его рассмотрение как дискурсивной практики.

Вкрапления, заимствования, переключение кода, тексты билингва типологически близки, так как содержат в себе два языка и при обобщении могут, на наш взгляд, рассматриваться как явления одного порядка, а именно, как наиболее «простое» отражение местной языковой ситуации, или *практика воспроизведения* в конкретном коммуникативном акте ситуации двуязычия с разной степенью представленности каждого из языков. Рассмотрим далее основные компоненты данной практики.

Находясь в условиях сосуществования языков, человек может использовать один или другой язык в зависимости от собственных возможностей и условий коммуникации, что порождает также типичную для местных условий *практику выбора языка*, частично описанную в (Костанди, 2016г). Как показало последующее обобщение контекстов, содержащих информацию о выборе языка, их стандартными компонентами являются: сообщение / знание о возможности выбора языка, предложение / намерение выбрать язык, сопутствующие сведения, вопросы, комментарии, оценка выбора и его результатов, например:

Всю информацию о курсах вы найдете на сайте организации / **в том числе и на русском языке** (из телепередачи); Ну **выбери там язык сама** / какой хочешь (разговорная речь); **Скажите по-эстонски, если по-русски не можете** сразу (из диалога на экзамене); А: Слушай / думаешь надо темы конференций переводить (на эстонский язык)? Вот как такое можно перевести (читает по-польски и по-русски)? В прошлом году мы на языке оригинала подавали // **на латышском там / польском / русском** // Б: Точно / давай на языке оригинала (из телефонного разговора); Юбилей отмечался торжественно <...> Устраивался он эстонцами и русскими, и мама **очень умно** рассказывала свою жизнь — **по-русски**, когда события жизни проходили на территории России, **и по-эстонски**, когда в Эстонии¹⁰; В: Как в колледже¹¹ висят плакаты / «Здесь **можно говорить по-эстонски** — громко и неправильно!» (из телепередачи).

¹⁰ Фрагмент мемуаров: (Милютина, 1997, с. 109).

¹¹ Речь идет о Нарвском колледже Тартуского университета, где учатся в основном русскоговорящие студенты, в целом в городе Нарва большинство жителей — русские, и эстонский язык можно услышать редко.

Представленные выше речевые практики неизбежно предполагают, что человек порой не может сразу подобрать нужное слово на том или ином языке, в частности на русском. Регулярно это имеет место, когда по-русски говорят люди, для которых этот язык не родной — они чаще не могут найти нужное слово, точно выразить свою мысль, что порождает *практику «подсказки»*¹², когда адресат (А), реагируя на паузу, вопрос, интонацию, жест, взгляд и другие признаки того, что у говорящего (Г) возникла проблема, «подсказывает» подходящее слово, что мы видим, например, в следующих фрагментах телепередач:

Г: Я думаю / что двадцать пять лет назад цель была таким¹³ / что обеспечить эстонцам все ... э-э-э-м-м... / *tingimused*?¹⁴ ... А: **Условия** / Г: **Условия** ... для своей культуры / своего языка; Г: «Динамо» был / ну / мужская организация // Потому что «Динамо» не только милиция / пожарники и / ну-ну / *tuletõrjujad*¹⁵? ... А: **Ну...** / **пожарные** Г: *Piirivalvurid* / (вопросительно смотрит на ведущих). А: **Пограничники**. Г: **И пограничники** / да.

Сами русскоговорящие тоже регулярно вставляют в речь эстонские слова, в частности, когда и они не сразу находят соответствующее русское слово. В этом случае «подсказка» может стать «самоподсказкой», «самопереводом», корректировкой своей или чужой речи, как, например, в следующих фрагментах речи русскоговорящих собеседников:

А: Мы пойдем в этот... в *veekeskus*¹⁶? Б: **В водный центр** (подчеркивает интонационно русское наименование). А: Ну / в водный центр; В: А **как это называется-то** / ... **дом престарелых**? Г: **Ну** / ... *hoodekodu*¹⁷... **дом призрения что ли...** // В: Понятно; А: Записывай / первого в 21.15 ... *reede*¹⁸ ... С: **Пятница...** А: **Reede...** С: **Пятница!** А: **Ну хорошо** // **пятница**.

Регулярность практик, репрезентирующих ситуацию языковых контактов, активизирует языковую рефлексию по этому поводу. В самых разных контекстах — от лингвистических работ до повседневной речи наивных носителей языка — встречаются специальные, развернутые или попутные, косвенные комментарии, оценки и иные метаязы-

¹² В настоящее время в Даугавпилском университете готовится сборник с нашей статьей «Языковая рефлексия диаспоры: варианты», посвященной особенностям местной русской речи на материале передач русскоязычного телеканала ETV+. Так как сборник находится в печати и пока отсутствуют его выходные данные, статья не будет включена в список литературы, но отметим, что в ней впервые приводятся примеры данной речевой практики телеведущих, оперативно помогающих гостям студии. Дальнейшее исследование показало, что такая практика широко представлена не только в речи телеведущих.

¹³ В примерах сохранены все черты речи собеседников, в том числе и грамматические ошибки.

¹⁴ Эст. *tingimused* — условия.

¹⁵ Эст. *tuletõrjujad* — пожарные.

¹⁶ Эст. *veekeskus* — водный центр.

¹⁷ Эст. *hoodekodu* — дом призрения.

¹⁸ Эст. *reede* — пятница.

ковые единицы, характеризующие ситуацию языковых контактов. Такие единицы есть и в некоторых из приведенных выше примеров. Обобщение наиболее характерных метаязыковых единиц с «диаспорной» составляющей было дано в (Костанди, 2016б). Сейчас остановимся только на том аспекте языковой рефлексии, который ранее на нашем материале специально не рассматривался, — на **языковой игре**, связанной с языковыми контактами, или ее осмыслении и на том, что собственно игрой нельзя назвать, но что вызывает смех, иронию, шуточные комментарии и т. п. Факты свидетельствуют о вариативности таких практик, которые сейчас невозможно описать полностью, для этого требуется дополнительный сбор материала и его анализ, поэтому ограничимся отдельными примерами.

Наиболее очевидным вариантом является обыгрывание эстонских слов (реже других единиц), построенное на их сопоставлении с русскими. Так, например, в местной топонимике преобладают эстонские наименования, однако в повседневном общении они часто получают разные коннотации, в том числе «игровые», при сопоставлении их с потенциальными русскими вариантами. Приведем лишь некоторые примеры «русифицированных» наименований из числа собранных в г. Тарту студенткой отделения славистики О. Соколовой. Вот фрагмент записи разговорной речи¹⁹:

А: Там Лохква местечко. Мы его Деревней дураков называем на работе.
В: Почему? А: У нас потому что... как-то мы в Лохква называем, у нас эстонцы. У них... У нас эстонцы некоторые русский так более менее знают... И «По-русски переводится **Лохква**?» Мы им объясняем: «Нет, не переводится». «А **лох** — это никак не связано с **лохом**?» «Нет, не связано». **Деревня дураков** (Соколова, 2013, с. 38).

В следующем примере обыгрывается имя Якоб: место у памятника известному эстонскому деятелю Якобу Хурту получило наименование «у *якобы Хурта*» (Соколова, 2013, с.57). В обозначении жилого дома по адресу *ул. Коду, 2²⁰* как *Дом два* содержится отсылка к реалити-шоу «Дом-2» (Соколова, 2013, с. 39). В наших записях из сетевого общения есть аналогичные примеры, например, площадь Вабадузе²¹ была «переименована» в *Площадь бабы Дуси*. Подобный материал можно найти и в (Паликова, 2013). В основе такого обыгрывания лежит языковая рефлексия на базе сосуществования и сопоставления языков.

Как-то оцениваться, вызывать шуточные или иронические замечания может и не собственно язык, а языковая ситуация в целом в стране или какая-либо частная ситуация. Так, посвященная разным вопросам языка и речи (нормативность, стилистика и др.) передача, некоторое время выходившая на русском телеканале ETV+, называлась «*Языковая инспекция*». Так же называется официальный государственный орган, следящий за соблюдением Закона о языке. Сама *Языковая инспекция* как государственный институт вызывает неоднозначные, часто негативные,

¹⁹ Сохранена форма записи, использованная автором работы.

²⁰ Эст. kodu — дом.

²¹ Эст. Vabaduse — Свободы.

оценки со стороны русского населения, так как ее деятельность связана с разными требованиями к использованию и уровню знания государственного языка. В названии передачи отразился ряд местных лингвистических, социально-политических и иных, вплоть до бытовых, явлений, фактов, мнений, в самой же передаче ведущие регулярно шутили по поводу деятельности этого органа.

Рассмотрим также пример, часть которого уже была приведена выше при описании практики выбора языка. Ведущие (В1 и В2) другой регулярной телепередачи, выходящей из студии в г. Нарва и посвященной северо-западному региону Эстонии, где преобладает, особенно в городах, русское население, в одном из выпусков обсуждают проблемы с эстонским языком, возникающие у местных жителей. Вот фрагмент²² этого обсуждения:

В1: ... Статья в газете (далее пересказывает) / В Нарве учителя эстонского языка в детских садах учат неправильно произношению <...> (шутливо) Это такой определенный нарвский акцент / который скоро внедрится // В2: То / что в Нарве по-эстонски будут говорить // Как в колледже висят плакаты / «Здесь можно говорить по-эстонски – громко и неправильно!» / Что люди в Нарве будут говорить по-эстонски громко и неправильно / это было известно еще двадцать лет назад <...> Это эстонский? <...> Или (шутливо) нарвский эстонский? <...> Это просто нарвский эстонский!

По интонации, взглядам, жестам собеседников очевидно, что они иронически воспринимают факт того, что в обсуждаемой газетной статье жители города упрекают в неправильном эстонском произношении, в то время как в городе нет языковой среды и непонятно, как можно совершенствовать свои языковые навыки.

Наконец, приведем пример иного типа – в утренней телепередаче на русском языке дается обзор эстонской прессы, ведущий показывает и читает заголовок по-эстонски, комментирует заложенную в нем языковую игру и пытается адекватно передать ее по-русски:

Tark maja loll lugu / Тут заголовок забавный на первой полосе <...> Дурацкая история умного дома // игра слов такая //

Материал свидетельствует о том, что языковая игра, базирующаяся на двуязычии, имеет разные проявления. Разумеется, в одной статье невозможно привести множество примеров, однако и описанные выше дают представление о том, что ситуации языковых контактов вызывает соответствующую языковую рефлексию, в частности и в игровой форме. Такая дискурсивная практика стала постоянной составляющей местного языкового ландшафта.

5. Выводы

Итак, условия диаспоры характеризуются постоянными языковыми контактами, что приводит к появлению в речи множества особенностей. Одна из них – формирование дискурсивных практик, в том или

²² Обсуждение развернутое, приводим лишь некоторые его части.

ином виде отражающих сосуществование языков. К числу регулярных практик такого рода относятся *воспроизведение в речи ситуации сосуществования языков*, этой же ситуацией предполагаемый *выбор языка*, своего рода *подсказки*, которые требуются в двуязычной среде, *языковая игра*, базирующаяся на взаимодействии языков, как одно из проявлений языковой рефлексии. Осмыслить и полнее понять эти, как и многие другие проявления вариативности языка, помогает обращение к экстралингвистическим факторам, к дискурсу, что и было предпринято выше. Дискурсивные практики, в свою очередь, можно рассматривать одновременно как базу и как следствие метаязыкового дискурса, являющегося частью более широкого типового дискурса диаспоры.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 136–137.
- Костанди Е.И.* Номинация и референции – проблемы выбора в иноязычной среде // *Humaniora: Lingua Russica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XIV. Развитие и вариативность языка в современном мире. II. Тарту, 2011. С. 142–159.
- Костанди Е.И., Кюльмоя И.П.* О русском языке современной Эстонии // Русский язык зарубежья. СПб., 2013. С. 85–106.
- Костанди Е.И.* Категория темпоральности в «обыденном» языке: сопоставительный аспект // *Rusistica Latviensis 5. Slavica—2015: filoloģija spētījumi*. Rīga, 2015a. С. 79–85.
- Костанди Е.И.* Специфика дискурсивных практик в ситуации языковых контактов // Ежегодник финно-угорских исследований = *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. Ижевск, 2015б. Вып. 2. С. 29–40.
- Костанди Е.И.* Типовой текст диаспоры: когнитивный аспект // Русистика и современность. Рига, 2016а. С. 273–280.
- Костанди Е.И.* Метаязыковой дискурс диаспоры: инвариант и варианты // *W poszukiwaniu tożsamości językowej*. Gdansk, 2016б. Т. 1. С. 244–253.
- Костанди Е.И.* Тексты билингва: «свое» и «чужое» // *Acta Slavica Estonica*. VIII. Тарту, 2016в. С. 78–88.
- Костанди Е.И.* Типовой дискурс диаспоры: языковая самоидентификация // Культурный ландшафт Пограничья: прошлое, настоящее, будущее. Псков, 2016. С. 115–121.
- Кюльмоя И.П.* Специфические черты языка русской диаспоры Эстонии // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. III. Язык диаспоры: проблемы и перспективы. Тарту, 2000. С. 84–93.
- Кюльмоя И.П.* Речь русской диаспоры Эстонии: тенденции развития // *Humaniora: Lingua Russica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XII. Активные процессы в русском языке метрополии и диаспоры. Тарту, 2009. С. 11–28.
- Милютина Т.П.* Люди моей жизни. Тарту, 1997.
- Паликова О.Н.* Неофициальная географическая лексика как лингвистический признак территориальной общности людей (На материале городского сленга и островного говора) // *Acta Slavica Estonica*. III. *Slavica Tartuensia X*. Славистика в Эстонии и за ее пределами. Тарту, 2013. С. 84–97.
- Панькин В.М., Филиппов А.В.* Языковые контакты. Краткий словарь. М., 2011.
- Серне А.Я.* Дискурсивные практики // Социология. Энциклопедия. Минск, 2003.

Соколова О. Русская неофициальная урбанонимия города Тарту: бакалаврская работа. Тарту, 2013. URL: <http://dspace.ut.ee/handle/10062/36201> (дата обращения: 12.01.2018).

Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. III. Язык диаспоры: проблемы и перспективы. Тарту, 2000.

Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VI. Проблемы языка диаспоры. Тарту, 2002.

Щаднева В.П. Характеристика современного эстонско-русского перевода утилитарных официально-деловых текстов // Русистика и современность. Рига, 2011. С. 540–545.

Щаднева В.П. Региональные варианты русской речи в аспекте языковой рефлексии (на материале метаязыковых комментариев на интернет-форумах) // Rusistica Latviensis 5. Slavica-2015: filoloģija spētījumi. Riga, 2015. С. 112–120.

Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XII. Активные процессы в русском языке метрополии и диаспоры. Тарту, 2009.

Zabrodskaja A. Russian-Estonian Language Contacts: Grammatical Aspects of Language Use and Change. Tallinn, 2009.

Об авторе

Елизавета Илмаровна Костанди, кандидат филологических наук (PhD), доцент, Тартуский университет, Эстония.

E-mail: jelizaveta.kostandi@ut.ee

Для цитирования:

Костанди Е.И. Дискурсивные практики русской диаспоры Эстонии: языковые контакты // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №3. С. 94–107. doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-7.

DISCURSIVE PRACTICES OF THE RUSSIAN DIASPORA IN ESTONIA: LANGUAGE CONTACTS

Ye. I. Kostandi¹

¹ University of Tartu
18 Ylikooli, Tartu, 50090, Estonia
Submitted on March 14, 2018
doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-7

In this article, I use the concept of discursive practices to consider the speech practices of the Russian diaspora of Estonia. The findings of the study suggest the existence of an invariant discourse generated by an exemplary member of the diaspora. Such a discourse has formal (borrowings, code-switching, etc.), semantic (referential shifts, semantically re-oriented vocabulary, etc.), and pragmatic features. The results of the diasporic speech analysis show that the key components of a typical diasporic discourse are the following ones: spatial-temporal localization (space: Estonia – Russia – the West relations; significant locations, space in the past and today (the empire, the Republic of Estonia, the Soviet Union); information space; time: historical periods, dates, holidays; time in information space, etc.), linguistic reflections

(metalinguistic units denoting co-existence, knowledge, language acquisition, etc.), evaluations (objects of evaluation, types of evaluation) and self-identification (ethnic, denominational, cultural, socio-economic).

The above is not only characteristic of the diasporic speech. These components also describe the worldview of language users belonging to the diaspora and their naïve linguistic conceptualisation of reality. Within the typical diasporic discourse, I distinguish a metalinguistic discourse that rests on discursive practices stemming from language contacts. These practices were described in part earlier. In this article, I summarize my earlier findings on the topic and analyse new material.

Keywords: language contact, Russian diaspora of Estonia, local discursive practices, typical diasporic discourse.

References

Arutyunova, N.D., 1998. Discourse. In: V.N. Yartseva, ed. *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* [Great encyclopedic dictionary]. Moscow. pp. 136-137 (in Russ.).

Kostandi, E.I., 2011. Nomination and references-problems of choice in a foreign language environment. In: *Humaniora: Lingua Russica. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Lingvistika. XIV. Razvoit'e i variatsionost' yazyka v sovremennom mire* [Humaniora: Lingua Russica. Works on Russian and Slavic philology. Linguistics. XIV. The development and variability of language in the modern world]. Tartu, pp. 142-159 (in Russ.).

Kostandi, E.I., Kulmoya, I.P., 2013. About the Russian language of modern Estonia. In: *Russkii yazyk zarubezh'ya* [Russian language Abroad]. St. Petersburg, pp. 85-106 (in Russ.).

Kostandi, E.I., 2015a. The category of temporality in "everyday" language: the comparative aspect. In: *Rusistica Latviensis 5. Slavoica – 2015: filologija spētijumi*. Riga, pp. 79-85 (in Russ.).

Kostandi, E.I., 2015b. Specificity of discursive practices in the situation of language contacts. In: *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugrian Studies]. Vol. 2. Izhevsk, pp. 29-40 (in Russ.).

Kostandi, E.I., 2016a. Typical text of the diaspora: the cognitive aspect. In: *Rusistika i sovremennost'* [Russian Studies and Modernity]. Riga, pp. 273-280 (in Russ.).

Kostandi, E.I., 2016b. Metalanguage discourse of the diaspora: invariant and variants. In: *W poszukiwaniu tożsamości językowej*. Vol. I. Gdansk (in Russ.).

Kostandi, E.I., 2016b. Bilingual texts: "your" and "someone else's". In: *Acta Slavica Estonica*. Vol. VIII. Tartu. pp. 78-88 (in Russ.).

Kostandi, E.I., 2016r. Typical discourse of the diaspora: language self-identification. In: *Kul'turnyi landshaft Pogranič'ya: prošloe, nastoyashchee, budushchee* [The cultural landscape of the Borderlands: past, present, future]. Pskov, pp. 115-121 (in Russ.).

Külmoja, I., 2000. Specific features of the language of the Russian diaspora in Estonia. In: *Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Lingvistika. Novaya seriya. III. Yazyk diaspory: problemy i perspektivy* [Works on Russian and Slavic philology. Linguistics. New episode. III. Diaspora Language: Problems and Perspectives]. Tartu, pp. 84-93 (in Russ.).

Külmoja, I., 2009. Speech of the Russian Diaspora in Estonia: Development Trends. In: *Humaniora: Lingua Russica. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Lingvistika. XII. Aktivnye protsessy v russkom yazyke metropolii i diaspory* [Humaniora: Lingua Russica. Works on Russian and Slavic philology. Linguistics. XII. Active processes in the Russian language of the metropolis and the diaspora]. Tartu, pp. 11-28 (in Russ.).

Palikova, O.N., 2013. Informal geographical lexicon as a linguistic sign of the territorial community of people (On the material of urban slang and island dialect). In: *Acta Slavica Estonica. III. Slavica Tartuensia X. Slavistika v Estonii i za ee predelami* [Acta Slavica Estonica. III. Slavica Tartuensia X. Slavic Studies in Estonia and beyond]. Tartu, pp. 84-97 (in Russ.).

Pan'kin, V.M., Filippov A.V., 2013. *Yazykovye kontakty. Kratkii slovar'* [Language contacts. Short Dictionary]. Moscow (in Russ.).

Serne, A.Ya., 2003. Discursive practices. In: *Sotsiologiya. Entsiklopediya* [Sociology. Encyclopedia]. Minsk (in Russ.).

Sokolova, O., 2013. *Russkaya neofitsial'naya urbanonimiya goroda Tartu* [Russian unofficial urbanism of the city of Tartu]. Available at: <http://dspace.ut.ee/handle/10062/36201> [Accessed 12 January 2018].

Külmoja, I., ed., 2000. *Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Lingvistika. Novaya seriya. III. Yazyk diaspor: problemy i perspektivy* [Works on Russian and Slavic philology. Linguistics. New episode. III. Diaspora Language: Problems and Perspectives]. Tartu (in Russ.).

Külmoja, I., ed., 2002. *Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Lingvistika. Novaya seriya. VI. Problemy yazyka diaspor* [Works on Russian and Slavic philology. Linguistics. New episode. VI. Problems of the Diaspora Language]. Tartu (in Russ.).

Shchedneva, V.P., 2011. Characteristics of the modern Estonian-Russian translation of utilitarian official business texts. In: *Rusistika i sovremennost'* [Russian Studies and Modernity]. Riga, pp. 540-545 (in Russ.).

Szadneva, V.P., 2015. Regional variants of Russian speech in the aspect of linguistic reflection (on the material of metalanguage commentaries on Internet forums). In: *Rusistica Latviensis 5. Slavica – 2015: filologija spētījumi*. Riga, pp. 112-120 (in Russ.).

Külmoja, I., ed., 2009. *Humaniora: Lingua Russica. Aktivnye protsessy v russkom yazyke metropolii i diaspor*. *Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Lingvistika XII* [Humaniora: Lingua Russica. Active processes in the Russian language of the metropolis and the diaspora. Works on Russian and Slavic philology. Linguistics XII]. Tartu (in Russ.).

Zabrodskaja, A., (2009). *Russian-Estonian Language Contacts: Grammatical Aspects of Language Use and Change*. Tallinn.

The author

Dr Yelizaveta Kostandi, Associate Professor, University of Tartu, Estonia.

E-mail: jelizaveta.kostandi@ut.ee

To cite this article:

Kostandi Ye.I. 2018, Discursive Practices of the Russian Diaspora in Estonia: Language Contacts, *Slovo.ru: baltiiskij accent*, Vol. 9, no. 3, p. 94–107. doi: 10.5922/2225-5346- 2018-3-7.